

В этом небольшом кафе, как и во всех прочих заведениях подобного рода, посетители делились на три категории. Первые ходили постоянно, поскольку работали в окрестных офисах. Здесь наскоро обедали, «заморивали червячка» после работы, выпивали кружку пива, флиртовали... Вторые заходили случайно, обедали и никогда больше не появлялись — не потому, что качество обеда было низким, а потому, что в другой раз им было не по пути... И были третьи — те, едва взглянув на интерьер, как-то криво морщились и исчезали прежде, чем официантка успевала приветливо улыбнуться.

Интерьер в кафе выглядел убого, цены держались на среднем уровне, а вот готовили здесь отлично. Все в целом производило неопределенное впечатление, и посетители вечно сомневались — то ли ходить сюда постоянно, то ли забыть дорогу... Выкрашенные в коричневый цвет стены, скромная стойка в углу, невзрачные пожилые официантки, от которых сально пахло кухней, туалет с обсыпавшейся кафельной плиткой. И огромные порции, со знанием дела приготовленное мясо, хороший выбор напитков... Во всяком случае, постоянные клиенты здесь не переводились.

Глава 1

И в тот майский вечер их было не меньше, чем всегда. Неторопливая, сонно улыбающаяся барменша сразу узнавала старых знакомцев, и ей не нужно было напоминать о том, что подать к столу. Она лениво цедила пиво, снимала с полок бутылки, разливала напитки почти не глядя, с профессиональной ловкостью — высоко подняв локоть, твердо держа кисть над мерным стаканчиком. Попутно женщина отмечала новичков. Вот эта парочка тут впервые — озираются, неуверенно читают меню. Одинокий мужчина заказал кофе. У его ног приютился спаниель — неотъемлемый атрибут кафе. И это немного волновало мужчину — он изредка отдергивал ногу в пыльном ботинке и опасливо глядел под стол. Спаниель внимательно взирал на него карими глазами, дружелюбно улыбался и в конце концов уютно улегся на пол, положив лобастую голову на передние лапы.

Кому принадлежала эта собака — никто не знал. Она появилась тут пару лет назад, и до самого вечера весь персонал думал, что спаниель пришел с кем-то из посетителей. Строгостей на этот счет в кафе не заводили, так что сперва на одинокую собаку не обратили внимания. И только когда стали закрываться и в зале не осталось ни единого клиента, официантки обнару-

КТО-ТО ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

жили пса под одним из столиков. Тот сидел и со своей обычной улыбкой оглядывал удивленных женщин.

— Его забыли?

— Бросили?

— Ты чей, котик?

Последнее замечание было более чем глупо, так как существо под столом ни в коей мере на кота не походило, но почему-то именно эти слова и проняли пса до глубины души. Спаниель взвизгнул и бросился в ноги барменше, облизывая ее щиколотки, обтянутые чулками. Та сперва испугалась, потом умилилась:

— Бросили тебя, бедного... А это мальчик или девочка?

Произвели экспертизу и установили, что пес — несомненный кобель. Собака на удивление кротко позволила себя осмотреть, ко всем приласкалась и покорила сердца усталых официанток. На псе был коричневый ошейник из поддельной кожи. Барменша высказала веское мнение — владельцы собак часто указывают свои координаты на обратной стороне ошейника на случай утери пса. Надо снять и посмотреть...

Но пес, неожиданно возмутившись, отпрянул в угол. Его пытались прикормить — он отворачивался от мяса. Хотели приласкать — жался к стене. И только когда ошейник оставили в покое, снова превратился в добродушную, ласковую собаку.

Спаниель так и остался в кафе. В первую ночь его общими усилиями выставили на улицу, но когда пришли открывать — он был тут как тут: ласково смотрел на всех глубокими доверчивыми глазами и как будто улыбался. Когда открылась дверь, немедленно вошел и занял то же самое место под столом. Его покормили, он поел — деликатно, не торопясь, из чего сделали вы-

вод: это воспитанная собака, не бродячая попрошайка. Еще раз попытались снять ошейник, но пес оскандился, и барменша отпрянула:

— Черт с тобой! Жди хозяина, раз так! Ну люди, ну люди! Бросили и ушли!

Официантки пытались вспомнить, кто мог оставить пса, кто сидел за столиком, к которому так привязался спаниель, — но не смогли. Вечером его покормили еще раз, на улицу спаниель вышел сам и добродушно, без тени обиды глядел, как запирают двери.

Третью ночь он провел уже в кафе. За него вступились все — и официантки, и барменша, которая лично выгуляла его в соседнем скверике, чтобы «чего не случилось». Несмотря на отсутствие поводка, пес чинно шел рядом с ней, держа определенную дистанцию, как будто поводок все-таки существовал — только в его воображении. Сделал дело, поел какой-то травки и бодро потрусил обратно. Наутро никаких безобразий не обнаружили и снова восхитились воспитанной собакой.

— Я ее заберу! — решила барменша. — Будет детям игрушка.

Но пес не дался. Он бодро дошел с женщиной до конца сквера, потом, уже менее охотно, пересек дорогу и вдруг остановился — ни туда, ни сюда.

— Котик, — звала его женщина. Эта кличка так и прицепилась к нему с первого вечера. — Идем, ну?

Пес неодобрительно посмотрел в сторону и вдруг, развернувшись, побежал обратно к кафе. Сел у закрытых на ночь дверей, и по его морде было видно — он намеревался провести тут всю ночь. Барменша догнала его и развела руками:

— Забастовку устроил?! Своей выгоды не понимаешь! Ну и живи как хочешь!

КТО-ТО ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

И в дальнейшем пес в самом деле жил как хотел. Мало-помалу он навязал всему персоналу свои собственные правила. Например, ночевал в кафе. Утром получал тарелку молока, в обед — миску мясных огрызков, вечером — ничего, потому что уборщица все-таки не доверяла терпению собаки и не разрешала кормить его на сон грядущий. Днем спаниель слонялся по кафе, спал за стойкой, изредка выходил на улицу по своим делам, но немедленно возвращался. В дождливые дни гулял и вовсе редко — пес был невероятно чисто-плотен, его шелковистая шерсть всегда выглядела ухоженной. Кличка «Котик» устраивала его, как и любое другое обращение. Было ясно, что пес реагирует не на слово, а на интонацию. Его настоящее прозвище так и не удалось установить, так как ошейник он упорно защищал. Наконец барменша, больше всех с ним возившаяся, махнула рукой:

— Да может, там ничего и нет. Только собаку зря мучаем!

Котика полюбили все. Даже хозяин кафе, про которого одна из официанток говорила: «Такой на лес глянет — лес повянет!», к нему привязался. Иногда, выйдя в зал, давал собаке кусок сахара. Котик принимал сахар с очень церемонным видом, как дипломат на приеме, будто подчеркивая, что сознает дистанцию между собой и таким важным человеком... Хозяину это нравилось. Правда, он не видел, что после его ухода ненавидевший сладкое Котик деликатно выплевывал в угол полурастаявший кусок рафинада.

К посетителям Котик не лез, никогда ничего не просил. Кажется, просить он не умел вообще. И если кто-то от своих щедрот подавал ему какой-нибудь обед, пес вежливо все съедал и отворачивался. На его

породистой морде было написано: «Хорошо, я съем, только чтобы вас не обидеть, вы же постоянный клиент. Но лучше бы вы этого не делали...» Иногда его гладили, чесали за ухом, вступали в бессмысленные разговоры, с какими подпившие люди вообще склонны приставать к детям и животным. «Ты чей такой хорошенький, а? Ну, чего смотришь?» И Котик, покорно терпевший пьяные ласки, отвечал ясным трезвым взглядом карих глаз: «Хватит вам. Ну ей-богу! Шли бы домой».

Барменша давно заметила, что иных посетителей собака упорно избегала. Никогда Котик не сядет рядом с тем-то мужчиной, никогда — с той-то шумной парочкой. Зато неизменно подойдет к молодой девушке, работавшей в соседнем магазине и забежавшей выпить чашку кофе, окажет внимание компании мелких менеджеров из телефонной компании... И уж конечно не из-за подачек. Сегодня у него появился новый объект симпатии — одинокий мужчина за угловым столом. Мужчина явно этому не рад и все время отдергивает ноги, будто боится, что собака укусит. Но чтобы Котик кого-то укусил? Чтобы подал голос?

В кафе наступило затишье. Все сидели за столиками и ели. Под потолком расплывался табачный дым и гул голосов. Барменше внезапно пришло в голову, что в самом деле никто еще не слышал голоса приبلудного спаниеля. «Хотя бы тявкнул, что ли, — подумала она, проверяя наличие чистых бокалов, предчувствуя своим опытным барменским сердцем, что вскоре поступит заказ на большую партию пива. — А все-таки хорошо, что я не взяла его домой. Чужая собака, неизвестно еще, что с ней...»

КТО-ТО ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

И вдруг, будто в ответ на ее мысли, пес вскочил с пола и взвыл. Посетители вздрогнули, официантка, несущая поднос, резко обернулась.

— Что с тобой? — испугалась барменша. — Ну-ка, иди сюда!

В первый момент она подумала, что псу отдавили лапу — такое бывало. Но ведь раньше Котик терпеливо сносил подобные превратности судьбы. Тут было иное — собака, будто взбесившись, металась под столом и выла — так выразительно, будто пыталась заменить своим атональным воплем не положенную ей от природы человеческую речь.

— Да иди же ты!

Котик метнулся под стойку и замер, будто умер. Барменша растерянно поглядела на него, перевела взгляд на посетителей. Все казались встревоженными, только парочка, тихо читавшая меню, как будто ни на что не обратила внимания. Женщина за столиком подняла палец, призывая официантку. Та подошла. Несколько слов, пара кивков — и заказ был сделан.

— Ты с ума сошел, — ворчала барменша, разливая пиво. Обращалась она к собаке, сжавшейся под прилавком в комок. — Очумел?

Но Котик не отвечал. Он даже не поднял ласковых, всегда разумных глаз, а лежал, как будто пытался скрыться от всего мира, свернувшись в клубок. Барменше стало не по себе. Она, как все люди ее профессии, повидала многое. В хлам пьяных людей. Слезы. Откровения, которые выплескивались на столики вместе с пролитым пивом. Драки, которые, к счастью, оканчивались приездом милиции. Да что там! Но что бы Котик завыл...

Парочка заказала два салата, зелень, шашлык из курицы, бутылку сухого красного вина и минеральную воду. Сперва подали воду и вино, потом зелень, далее салаты... Шашлык готовился на кухне. И все было хорошо, все шло по порядку, не считая странной позы Котика, который упорно не выходил из-за стойки. Барменша тряхнула ногой, скинув разношенную туфлю, погладила собаку босыми пальцами. Та лежала как мертвая.

«А вдруг умер? — подумала женщина. — Вот был бы номер! Собака в кафе сдохла! И без того его прячем от санэпиднадзора!»

Однако вместе с этой резкой, практичной мыслью пришло и другое. Сожаление? Страх, передавшийся с необъяснимым воем пса? Если умер — что делать? Куда его тащить? Где хоронить?

Но тут Котик поднял голову и искоса взглянул на нее. Барменша успокоилась.

«Старый, наверное, стал, а старики все с причудами, что люди, что псы! Мы же ничего о нем не знаем».

Удостоверившись, что пес жив, она принялась наблюдать за парочкой у окна. В основном за мужчиной — тот был в ее вкусе. Неправильное, но обаятельное лицо, синеватая тень щетины на смуглых щеках, коротко подстриженные черные волосы. Он играл вилкой, но почему-то не ел. Это удивляло барменшу — она давно усвоила, что мужчины начинают есть немедленно и уничтожают закуски до того, как подали основное блюдо, а после томятся. «Шашлыка хочет, — догадалась она. — Ничего, подождет. Полчаса как минимум!»

Мужчина положил вилку на скатерть и отвернулся к окну. Еще не стемнело, жалюзи не опустили, и снаружи были видны силуэты прохожих. Сиреневые май-

КТО-ТО ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

ские сумерки — такими они бывают лишь в Москве — постепенно гасили цвета, и только габаритные огни проезжавших мимо кафе машин становились все ярче. Барменша подумала о том, что надо бы приоткрыть окно — в зале душно, а на улице такой чудесный вечер... Взглянула на часы — сегодня засидятся до одиннадцати как минимум... В такие вечера сидят долго. Хорошо для выручки, плохо для семьи барменши, которую тоже нужно кормить и обслуживать. Но ее досада была мимолетной — в такой вечер расстраиваться трудно. Она подосадовала лишь на то, что до сих пор не вынесли на улицу столики с тентами — давно пора, погода позволяет. Тогда в зале будет почти пусто и она не будет так задыхаться от табачного дыма — к вечеру под потолком гуляют сизые облака...

Мужчина взял вилку, подозрительно ковырнул салат и отодвинул от себя тарелку. Барменша сдвинула брови: «Это еще что? Да ты сперва попробуй!» Спутница заинтересовавшего ее клиента тоже взглянула на стол и отвернулась к окну. «И чего пришли? — недоумевала женщина за стойкой. — Не едят, не пьют, не разговаривают... Сидят как чужие. Наверное, поссорились. Любовники — точно!»

Как правило, она никогда в таких вещах не ошибалась — даже с первого взгляда. Когда клиент становился постоянным, о нем неизбежно узнавали больше. Завязывались доверительные отношения с персоналом. Делились подробностями о бизнесе, семейном положении, здоровье. Но Рая — так звали барменшу — не нуждалась в длительном контакте, чтобы вынести свой вердикт, особенно если дело касалось парочек. Эти вот — сослуживцы, «она» ему нравится, «он» ей — нет, зато «он» платит за обед, потому «она» с ним и хо-

дит. «Морочит голову парню!» — решала Рая и попадала в точку! А эти двое — студенты, заказывают только пиво, изредко орешки, сидят часами и флиртуют, иногда слишком повышают голос, отчаянно курят и никак не могут решить — сходитьсь им или нет? Так и оказывалось. Вот за тем столиком служебный роман, а за тем — любовный треугольник. Была среди постоянных посетителей и семейная пара — законные муж и жена, что очень поражало барменшу. Втайне она им завидовала — это как же надо относиться друг к другу, чтобы после восьми лет семейной жизни все еще ходить вместе в кафе, смотреть друг другу в глаза, смеяться, тратить деньги на обед, который дома, конечно, обошелся бы в три раза дешевле?!

А что сказать об этих двоих у окна? Ну, мужчина хоть куда, а вот женщина... Не поймешь — то ли нервная, то ли нездоровая? Очень бледное узкое лицо, небрежно растрепанные волосы, никакой косметики... И постоянно теревит, скручивая, угол скатерти, который уже превратился в жеваную тряпку. Барменша задумалась. «Любовники, — решила она наконец. — Он ее бросает. И понятно, почему — от такой красавицы радости немного».

Она снова проверила собаку ногой, пес тихонько заворчал. Раиса вздохнула. Если у собаки вконец испортится характер, в кафе ее не оставишь. Хозяин станет коситься, посетители будут недовольны. И куда его — на улицу? Пес не вынесет, умрет. Слишком деликатен, слишком непрактичен... Она не могла вообразить Котика, залезающего в помойку, — ее даже передернуло от этой возможной картины.

Из кухни вынесли шашлык, поставили перед парочкой. Рая сощурилась: «Уж теперь-то вас проймет!»

КТО-ТО ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

Кафе славилось своими особыми маринадами — повар был грузин и пряностей не жалел, сам их где-то покупал или выписывал с родины. Мужчина действительно взял вилку и съел кусок мяса. Жевал с удовольствием, однако по-прежнему смотрел в окно. Женщина отодвинула стул и подошла к стойке.

— Где можно помыть руки?

Голос у нее был на удивление мелодичный. Казалось даже, что она нарочно выпевает слова, и это придавало ее выговору нечто манерное. Раиса указала на дальнюю белую дверь:

— Туалет там.

Дверь закрылась, послышался щелчок запираемого изнутри замка. Мужчина за столиком продолжал есть — теперь уже с явным удовольствием, как будто отсутствие подруги мигом добавило ему аппетита. Рая, глядя на него, с удовлетворением думала, что он придет сюда еще не раз. Да, кто-то гонится за красивым интерьером, кому-то зазорно пойти в такое кафе, как у них, но для настоящих гурманов самое главное — вкусная еда. А уж с этим здесь...

Котик неожиданно вскочил и, уставившись на барменшу, взвыл. Та отшатнулась:

— Тихо ты!

Пес не послушался и снова подал голос. «Да что ему нужно? — почти в панике думала женщина, лихорадочно соображая, как незаметнее убрать собаку из зала. — На кухню его! Нет, на улицу — пусть проветрится!»

Но как выгнать собаку? Поводка не было. Взять за ошейник и выставить — немислимо, пес не позволял прикоснуться к ошейнику. Идти сама собака не желала — это было ясно.